

Семейные традиции и обряды

Среди русского старожильческого населения (особенно среди казачества и крестьян, рано получивших землю во владение, а затем и в собственность) обычным явлением в прошлом были большие (неразделенные) семьи. Вместе жили и совместно хозяйствовали не только родители, дети и внуки, но и несколько братьев, тут же могли быть сестра с мужем-примаком, осиротевшие племянники и другие родственники. Нередко семья объединяла до 20 и более человек. Во главе семейного коллектива стоял отец или старший брат (*большак, старшой*). Распорядительницей среди женщин и авторитетом среди мужчин была его жена. Внутрисемейная жизнь определялась патриархальными устоями. Сама церковь предписывала женщинам беспрекословное подчинение мужу. Снох ожидал в семейной жизни тяжелый повседневный труд, от них ждали покорности и повиновения. В то же время все члены семьи участвовали в выполнении хозяйственных дел, на мужчинах лежали наиболее тяжелые полевые, лесные, строительные работы. В семейные дела вовлекались и дети. Старшая дочь, чуть поднявшись, становилась нянькой (*пестуньей*) для младших сестренок и братишек, заменяя иногда им мать. Имущество семьи считалось общей собственностью. Однако снохи могли рассчитывать лишь на свое приданое и на вещи, сделанные своими руками. Обычно каждой снохе определялась делянка с посевами льна, конопли: собрав урожай и подготовив пряжу, ткали холсты на одежду себе, мужу и детям. В обеспеченных хозяйствах каждая сноха имела собственную клеть, где хранила приданое и имущество своей маленькой семейной ячейки.

После отмены крепостного права и получения земельных наделов появилась тенденция к распаду больших семей [44]. Переселенцы последних десятилетий XIX в. редко решались на переезд большим составом. Вместе с тем проживание старшего сына с родителями повсюду оставалось семейной традицией. Семьи в 7-9 человек были распространенным явлением. В столыпинское время наряду с ними появлялись маленькие семьи – в 4-6 человек [20; 30].

Одновременно на Южном Урале сохранялось немало больших по численности семей. В 1917 г. в башкирской деревне Мал.Токтарово Нигаметуллинской волости Белебеевского уезда жила русская семья из 22-х человек. Недалеко от тех мест на хуторе Мещерякова в двух семьях насчитывалось 34 человека [30]. В Дуван-Табынской волости Стерлитамакского уезда хутор Осиповку основали две семьи числом в 29 человек [20]. Много было русских семей по 11, 12, 13 человек: согласно переписи 1917 г., они зафиксированы, в частности, в Белебеевском уезде в д.Верхние Услы, на хуторах Кулаковском, Уваровском, в башкирских деревнях Старое Калмашево, Исламгулово, в чувашских деревнях Зириклы, Кистенли-Богданово и др. [30].

Большесемейные коллективы очень часто жили на хуторах и имели высокую материальную обеспеченность. На Краснокутском хуторе в Альшеевской волости семья из 11 человек имела 11 лошадей и более 50 десятин посева. На Покровском хуторе Ильинской волости жили две семьи общим числом в 39 человек; они имели 22 лошади, более 90 десятин посева. На хуторе Губаревском Зильдяровской волости 10 семей (всего 117 человек, т.е. в среднем более 10 человек на семью) имели 62 лошади и 308 десятин посева. Там же на хуторе Рахматова у трех се-

мей (31 человек) было 14 лошадей и более 80 десятин пашни [30].

В крепких хозяйствах семейный уклад был особенно жестким, а подчинение умному главе-распорядителю часто оказывалось решающим условием их существования.

Трудовой распорядок жизни семьи прерывался важными событиями: рождением ребенка, женитьбой сына или выходом замуж дочери. Дом, где родился ребенок, посещали замужние родственницы, приносили гостинцы. Младенца старались побыстрее окрестить в церкви, чтобы дать имя святого, близкого по времени к рождению. После купели ребенка принимали на руки крестные мать и отец из числа родственников (позже – хороших знакомых); во многих районах

Семья из с.Поляковка
(Учалинский район, 50-е годы XX в.)
Фотоархив ЦЭИ УНЦ РАН

Башкирии крестники потом называли их «*лелька*» и «*лелький*», а их родители – «*кумой*» и «*кумом*». За праздничным столом на родинах самыми почетными гостями были крестные и повивальная бабка. Угощали молочной кашей, сладкими пирогами. Гости оставляли деньги «*на зубок*».

Свадьбы обычно праздновались осенью или зимой после Крещения. Свадебный обряд состоял из нескольких этапов и занимал большой промежуток времени. Сватать девушку приезжали крестный с крестной или родители парня, реже – другие родственники. Садлись под матицу и заводили разговор иносказательно: «У вас – товар, у нас – купец» или «У вас – курочка, у нас – петушок, сведем их в один хлевушок». В случае согласия проходила затем черед предсвадебных встреч: *смотрины* невесты, *знакомство с хозяйством жениха*, *сговор* (*запой*, *рукобитье*), во время которого договаривались о дате свадьбы, размере приданого, размере и содержании *кладки* – денежном взносе жениха и одежде, которую он покупал невесте (это могли быть шуба, пальто, шелковое платье, ботинки с галошами и др.). Вслед за тем примерно в течение месяца шла подготовка к свадьбе. Весь этот период подруги невесты собирались в ее доме на *вечерки*, помогали приготовить подарки на свадьбу и приданое: шили, вязали кружева, вышивали.

Все обряды, входившие в свадебный цикл, сопровождались песнями сообразно моменту – грустными, лирическими, величальными, шуточными, прощальными. До венчания преобладали грустные, печальные мелодии. В вариантах свадьбы, родившихся на севернорусской основе, существовали традиционные причитания (*причеты*) девушки, переходившие временами в плач. Они звучали при посещении своих родственников перед

свадьбой, на прощальном девичнике, в бане, где мылась вечером невеста с подругами, утром в доме в ожидании жениха.

В свадьбе кроме родителей невесты и жениха (*коренных свах и сватов*) принимали участие крестные с обеих сторон (*свахи, сваты*). Из товарищей жениха выбирался главный организатор свадьбы – *дружка* (его перевязывали крест-накрест двумя полотенцами); его помощник *поддруж* (с одним полотенцем) представлял сторону невесты. До венца активную роль играли ее подруги. Со стороны жениха назначали *постельных* для перевозки в новый дом постели девушки, а также повозчиков, которые везли *поезжан*. Число подвод было нечетным, дуги украшались лентами, цветами, колокольчиками. На передней повозке ехали жених с дружкой, поезжанами были гости жениха (семейные пары). *Поезжанье*, прежде чем направиться за невестой, несколько раз с гармонью объезжало село [8, с.195-210]. В некоторых северных селах свадебный поезд возглавлял тысяцкий, помогал ему *старший боярин*.

К приезду жениха подруги обряжали невесту в новую праздничную одежду, на голову надевали *венки* и *фату*. Это сопровождалось горестными и раздумчивыми песнями самой девушки и ее подруг, испрашиванием благословения у родителей или укорами в их адрес (если брак был не по любви).

После угощения поезжан невесту везли в церковь. По завершении венчания в церковном пристрое расплетали косу и, сменив прическу, прятали волосы под головной убор. Из церкви ехали в дом жениха. Свекор со свекровью встречали молодых хлебом-солью, обсыпали зерном, хмелем, сажали за накрытый стол. После угощения молодых вином гости кричали: «Горько!». Молодые целовались, и все присутствующие

величали их в песнях [8], а вечером провожали в амбар или в пустую избу, где была приготовлена постель.

У выходцев из Пермской, Вятской и других северных губерний особым ритуальным блюдом на свадьбе был большой пирог из курицы (или мяса) и крупы – *курник*. Его должны были отведать молодые, а затем все присутствующие. В зависимости от местных обычаев, это входило в программу первого или второго дня свадьбы.

Второй день был веселым и потешным. Он начинался поисками молодой. Часть гостей наряжалась цыганами, пастухами, а женщины надевали платья башкирские, чувашские (или иных соседей) и помогали «по метке» опознать «ярку». Звучали и присказки, шутки; пританцовывая, пели озорные частушки. Театрализованные представления особенно были характерны для русских свадеб в южных селах и казачьих станицах¹⁵. Шумной ватагой вели молодую к реке или колодцу за водой; это заканчивалось обычно обрызгиванием присутствующих. Вернувшись домой, всякими способами испытывали хозяйственные навыки и терпение молодой жены. В некоторых местах она должна была истопить баню или угостить всех блюдом своего приготовления. Были и торжественные моменты: после того как находили «ярку» (молодую), она отмечала гостей подарками, низко кланяясь, в то время как дружка подносил очередному гостю чарочку. В ответ родственники жениха

Семья староверов
(Ермекеевский район. 30-е годы XX в.)
Фотоархив ЦЭИ УНЦ РАН

одаривали молодых скотом, деньгами.

Игровой характер свадебных увеселений проявлялся сполна на следующий день, когда зять, а за ним и все присутствующие отправлялись «к теще на блины». У казаков, например, после шумного (с подбрасыванием и битьем тарелок) веселья в доме тещи, рядились в разные одежды, раскрашивали или закрывали холстиной лицо и с гиканьем, с песнями разъезжали по станице на волах, запряженных в повозки – *рыдваны* [38]. Заезжали в гости к кумовьям и другим гостям. Свадьба могла длиться неделю и больше. Несмотря на ограниченное число приглашенных, присутствовать, вступить в пляски, представления, изредка угощаться могли практически все желающие¹⁶.

Собиратели фольклора констатируют обеднение свадебной обрядности в XX в., исчезновение из нее не только многих грустных, но и ряда игровых моментов. Расширился состав участников, однако были утрачены свадебные «роли» (кроме *дружки*). Обрядовый песенный фольклор ушел в область истории [31].

¹⁶ Не случайно одно из местных названий свадебного веселья – «пучеглазно» [4].

¹⁵ Один из вариантов южнорусской свадьбы записан фольклористами БГУ в с.Отрада Кумертауского района, где живут потомки переселенцев Рязанской и Тамбовской губерний [8].